

И.В.Сахаров

**Василий Федорович Сахаров (1901-1986) –
происхождение и родственное окружение**

По основной своей нынешней профессии я – генеалог, причем генеалогия для меня – не просто работа, которую я выполняю в порядке служебного долга, но и дело жизни, которому я служу вот уже полвека с увлечением и полной отдачей времени и сил. За эти годы мне приходилось изучать и реконструировать сотни родословных, коренящихся в седой старине и насчитывающих немало поколений. Тем не менее, с огорчением – и не без стыда – я вынужден признать, что собственную генеалогию – как по отцовской, так и по материнской линиям – я знаю совершенно недостаточно: по прямым восходящим линиям – лишь до прадедов и прабабушек, и то не до всех. В этом в немалой степени виноват мой отец, который плохо знал историю своей семьи, да и не проявлял к этому сколько-нибудь живого интереса и редко рассказывал мне о своих предках и родне. Однако еще больше я должен винить самого себя, потому что в свое время (когда были живы его брат, его тетушка, его двоюродная племянница – моя троюродная сестра, которая была намного меня старше) и сам недостаточно этим интересовался, не пытался заставить отца и его родственников, не выпытывал у них хотя бы крохи сведений, хотя бы отдельные детали, а потом – за занятостью другими генеалогическими поисками, казавшимися мне более важными и более срочными, – не прилагал достаточно усилий, чтобы отыскать нужные данные в архивах.

И все же кое-какими отрывочными сведениями по истории отцовской семьи я располагаю и ниже попытаюсь эти сведения более или менее связно изложить.

* * *

Мой отец появился на свет 8 декабря 1901 г.

В те времена регистрация фактов рождения, бракосочетания и смерти являлась прерогативой духовных властей. В частности, рождение или, что более точно, рождение и крещение лиц православного исповедания в обязательном порядке регистрировались в метрических книгах, которые вели священнослужители в каждой церкви. Эти книги сдавались на хранение в архив соответствующего епархиального управления – духовной консистории, и, при необходимости, из них делались официальные выписи, которые выдавались на руки родителям новорожденного, его другим близким родственникам или ему самому, если он достиг совершеннолетия и обратился с соответствующим прошением в Консисторию. Эти выписи служили документом, официально подтверждавшим факт существования человека и его официально идентифицирующим (наподобие нынешних свидетельств о рождении, выдаваемых органами ЗАГС).

В бумагах отца сохранился подлинник такого документа (см. илл.1): Выпись из метрической книги, часть первая о родившихся за 1901 год, выданная причтом Ораниенбаумского Св.Архистратига Михаила Собора г. Ораниенбаум СПбургской епархии № 190. В документе указано, что 8 декабря 1901 г. родился и 30 декабря того же года был крещен Василий. Родители его: мещанин Посада Колпино Федор Васильев [то есть Васильевич] Сахаров и законная его жена Александра Васильева, оба первобрачные, оба православного вероисповедания. Восприемниками были: потомственный почетный гражданин Иван Васильевич Зверев и дочь потомственного почетного гражданина Анастасия Васильевна Зверева. Таинство крещения совершал священник Димитрий Люцернов с псаломщиком Альбовым. Подлинность документа подтверждена подписью священника Иоанна Разумовского и печатью указанного Собора. Нет сомнения, что имя младенец получил в честь одного из своих дедов (оба они – и по отцовской, и по материнской линиям, – как будет показано ниже, именовались Василиями Николаевичами), причем, судя по составу крестных родителей, вероятно, почтен был именно дед с материнской стороны.

День рождения отца указан, естественно, по принятому в те времена в России

Юлианскому летоисчислению (так называемому старому стилю), в пересчете на новый стиль это 21 декабря, и именно последняя дата фигурирует в его паспорте и прочих документах нового времени, и именно ее отец отмечал как день своего рождения.

Итак, родители отца – Федор Васильевич и Александра Васильевна Сахаровы.

Какими же сведениями о его предках и родне по отцовской и по материнской линии мы располагаем?

* * *

Федор Васильевич Сахаров был сыном военного музыканта Василия Николаевича Сахарова.

Год рождения В.Н.Сахарова остается нам не известным. Если учесть тот факт, что в начале XX века он был в преклонных годах и что его сын (отец моего отца) родился в начале 1868 г., он родился не позднее конца 1840-х гг.

О его происхождении почти ничего неизвестно. По смутному семейному преданию, он был уроженцем Кашинского уезда. К какому сословию принадлежали его родители, мы можем только гадать. Скорее всего, это были крестьяне; возможно, они принадлежали к низшей прослойке духовного сословия. С другой стороны, они должны были быть ревностными прихожанами местной церкви. Основания для этих предположений таковы.

Вся жизнь В.Н.Сахарова была связана со службой в лейб-гвардии Финляндском полку – сначала в качестве музыканта, а к концу жизни – в качестве фельдфебеля полковой музыкантской команды. Известно, что хор музыки этого полка, состоявший исключительно из медных духовых инструментов, славился своим высоким профессионализмом¹. Каким образом юноша «из простого народа», будучи призван на военную службу, мог быть определен в музыканты, да еще именно в этот гвардейский полк? Для этого, надо полагать, следовало обладать по меньшей мере двумя качествами – иметь отличный музыкальный слух и разбираться в нотной грамоте. Мальчик из простой семьи мог проявить себя на этом поприще, лишь с детства состоя певчим в церковном хоре, где могли обнаружиться и развиться его музыкальные дарования, обратившие на себя внимание при призыве на военную службу. Не исключено также, что и отец Василия Сахарова был военным музыкантом, и мальчик мог быть воспитанником полковой школы для солдатских детей, где с детства учили игре на музыкальных инструментах.

Имя скромного трубача оказалось вписанным в анналы полковой истории. Самолюбие моего отца (и, признаться, это и меня не оставляет равнодушным и пробуждает чувство гордости за своего предка) льстил тот факт, что его дед отличился на поле брани. Дело в том, что музыкант Василий Николаевич Сахаров в рядах полка принял участие в войне против турок за освобождение Болгарии в 1877-1878 гг. В этой войне, особенно в боях за взятие Горного Дубняка в октябре 1877 г., при переходе через Балканы, в сражениях в начале января 1878 г. под Филиппополем (нынешний Пловдив), лейб-гвардии Финляндский полк покрыл себя неувядаемой славой. В частности, за дела 3 и 5 января 1878 г. под Филиппополем свыше двухсот нижних чинов было удостоено знака отличия Военного ордена Св.Георгия – так называемого «солдатского Георгия». В списке награжденных значится и один музыкант – Василий Сахаров.

Обычно практика награждения за боевые заслуги предусматривала определенную процедуру: составлялись списки представленных к награде, они отсылались в Санкт-Петербург, в Капитул российских и императорских орденов, где утверждались Кавалерской думой соответствующего ордена, после чего знак и вручался награжденному. С Василием Сахаровым дело обстояло иначе: он был единственным из двухсот, кто был награжден непосредственно на поле боя – знак под № 64515 был прикреплен к его груди лично командующим 2-й гвардейской пехотной дивизией² (этот пост в то время занимал генерал-

¹ Гулевич С.А. История лейб-гвардии Финляндского полка. 1806-1906. Ч.4. СПб., 1907. С.457, 458.

² Ростковский Ф. История лейб-гвардии Финляндского полка. Отд.2 и 3. 1831-1881. СПб., 1881.

адъютант, генерал-лейтенант Г.И.Чертков³). В книге Ф.Ростковского не сказано, за что именно была вручена награда, однако есть основания полагать, что он геройски проявил себя во время атаки 5 января 1878 г., завершившейся взятием турецких орудий (эта атака изображена на картине, репродукция которой помещена в указанных трудах Ф.Ростковского и С.А.Гулевича. См. илл.2), причем это произошло на глазах у командующего и, очевидно, произвело на него особое впечатление.

Внимательный просмотр иллюстраций, помещенных в книге С.А.Гулевича, позволяет утверждать, что на одной из помещенных в ней репродукций с фотографии, сделанной в 1895 г. (см. илл.3), фигурирует В.Н.Сахаров. На ней изображен строй музыкантской команды, почти все члены которой – в молодых или средних летах. Судя по внешнему виду, лишь трое из них – старослужащие. Один из них стоит перед строем, очевидно, это фельдфебель. На груди у него – несколько наград, и среди них (хотя качество фотографии оставляет желать лучшего) просматривается крест – знак Военного ордена (прочие знаки – это медали, которые получали все участники войны 1877-1878 гг.). Похожий набор наград и на груди у одного из старослужащих, стоящего в строю в первом ряду третьим слева (однако есть ли у него среди наград «солдатский Георгий», неясно). Одно из двух названных лиц – несомненно, Василий Николаевич Сахаров. Чтобы окончательно установить, который из двух, необходимо было бы выяснить, в каком году В.Н.Сахаров был удостоен чина фельдфебеля (найти эту дату пока что не удалось). Если он состоял в этом чине уже в 1895 г., то перед строем изображен именно он, если нет – то им является музыкант, стоящий в строю. Заметим, что косвенно – хотя само по себе, разумеется, это не может служить основанием для идентификации персонажа, изображенного на фотографии, – в пользу первого варианта говорит тот факт, что раздвоенную бороду в старости завел себе и сын В.Н.Сахарова Федор Васильевич, в пользу же второго варианта (и это представляется более убедительным) – то обстоятельство, что музыкант, стоящий в строю, заметно выделяется среди сослуживцев своим малым ростом, а Федор Васильевич Сахаров тоже был малорослым.

Мой отец говорил мне, что его дед доживал свой век в казенной квартире, находившейся в казармах лейб-гвардии Финляндского полка, что располагались на 19-й линии Васильевского острова.

На ком был женат Василий Николаевич Сахаров, неизвестно. По смутным воспоминаниям моего отца, ее звали Пелагеей.

Судя по сделанной наспех неразборчивой записи моего отца, у супругов Сахаровых было несколько детей – старший Федор, затем Пелагея, Феодосия и Евгения и, наконец, младший Яков.

Достоверными сведениями я располагаю только о двух из них – о Пелагее и о Федоре.

О Пелагее Васильевне Сахаровой (см. илл.4), переименовавшей себя в Полину, со слов отца мне известно следующее. Она осталась незамужней. В предреволюционные годы поступила работать машинисткой в библиотеку при Адмиралтейском заводе, которой заведовала Анастасия Васильевна Зверева, сестра жены ее брата.

Что касается Федора Васильевича Сахарова (см. илл.5а и 5б) – отца моего отца, то есть моего деда, то сведений о нем гораздо больше, хотя и они, увы, фрагментарны и неполны.

Он родился (согласно записи, сделанной рукой моего отца) 8 февраля 1868 г. (по старому ли стилю эта дата или по новому, не знаю). Где и какое он получил образование, сведений не сохранилось, но, судя по тому, что он, как и его отец, стал музыкантом-трубачом, он мог учиться в школе для солдатских детей при лейб-гвардии Финляндском полку, где мальчикам давали уроки музыкальной грамоты и учили играть на духовых инструментах.

Женившись на Александре Васильевне Зверевой, он поселился на Васильевском острове в доме на углу Кадетской линии (в советское время она называлась Съездовской) и Среднего проспекта, строение во дворе, вход со двора и окна во двор, где они и прожили до конца своих дней (официальный адрес к началу войны: Съездовская линия, дом 25/10, кв.41).

³ Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц, по всем управлениям в Российской империи на 1878 год. Ч.1. СПб., 1878. Стлб.216.

Я своего деда не помню, хотя в предвоенные годы отец изредка водил меня к своим родителям. Он был профессиональным трубачом и, как вспоминал мой отец, в 1920-х или 1930-х гг. играл в оркестре в так называемом Народном доме, что на Петроградской стороне, в Кронверкском парке (старожилы нашего города помнят, что после войны в этом здании располагался кинотеатр «Великан»).

Федор Васильевич Сахаров скончался в Ленинграде во время блокады города, 24 марта 1942 г., через десять дней после смерти своей жены, от недоедания и прочих бытовых лишений (в свидетельстве о его смерти написано – «упадок сердечной деятельности»). Как и его жена, он был похоронен в братской могиле на Пискаревском кладбище⁴.

* * *

Федор Васильевич Сахаров был женат на Александре Васильевне, урожденной Зверевой. О семействе Зверевых я располагаю гораздо более подробными сведениями, чем о Сахаровых.

Судя по записям моего отца, глава семейства Василий Николаевич – дед Василия Федоровича Сахарова по линии его матери – родился в Кашинском уезде Тверской губернии в деревне Степино. Должен однако заметить, что в списках населенных мест Тверской губернии такой деревни в Кашинском уезде не числится; в то же время значится Степино, находившееся в Старицком уезде⁵. Вероятно, он происходил из крестьян, возможно, из тех, кто занимался не столько земледельческим трудом, сколько отхожими промыслами и мелким предпринимательством. По семейной легенде, в юности у него было несколько фамилий или, вернее, кличек и прозвищ (в те времена такое часто наблюдалось в крестьянской среде: в середине XIX столетия у подавляющего большинства русских крестьян не было устойчивых фамилий, которые передавались бы от отца к сыну), но закрепилась за ним именно фамилия Зверева. В полу-шутку надо сказать, что на его фотографии (к сожалению, она затерялась, и я пока что не смог отыскать ее в домашнем архиве, но хорошо ее помню) запечатлен облик мужика, имеющего более чем суровый (чтобы не сказать звероподобный!) вид, и не приходится удивляться, почему он стал именоваться именно так.

Отец говорил, что Василий Николаевич Зверев был строительным подрядчиком. В частности, набранные им рабочие строили небольшие мосты и плотины. Формально же, как недавно удалось установить, он был записан в купеческое сословие города Ораниенбаум по второй гильдии⁶. Дела его шли достаточно успешно. Об этом можно судить по тому факту, что при въезде в Ораниенбаум со стороны Санкт-Петербурга он приобрел обширный участок земли, на котором построил для своей семьи несколько деревянных домов (см. илл. 6 и 7), в одном из которых и родился мой отец. Кроме того, судя по тому, что в выписи из церковной метрической книги о рождении и крещении моего отца его крестная Анастасия Васильевна Зверева фигурирует в качестве дочери потомственного почетного гражданина, Василий Николаевич Зверев был возведен в это звание. Лицам же купеческого сословия почетное гражданство даровалось потомственно, «когда купеческое семейство состоит, с платежом установленных повинностей, сряду 10 лет в первой или 20 лет во второй гильдии, не подпав в течение сего времени несостоятельности и не быв опорочено судебным приговором»⁷.

⁴ см.: Копия свидетельства о смерти 24 марта 1942 г. Сахарова Федора Васильевича за №15490, выданного Бюро АГС Василеостровского района 8 сентября 1942 г. // Архив И.В.Сахарова; см. также: Санкт-Петербург. Блокада 1941-1944. Ленинград. Книга памяти. Т.26. Р-С (Россовский-Седловский). СПб., 2005. С.634.

⁵ Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. [Вып.] 43. Тверская губерния. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. С.188-214 (Кашинский уезд), 369 (Старицкий уезд); см. также: Алфавитный список селений Тверской губернии. Вып.6. Кашинский уезд. Тверь, 1918.

⁶ Не могу не поблагодарить от всей души мою коллегу по Институту генеалогических исследований РНБ Аллу Владимировну Краско, отыскавшую документ (о нем речь пойдет ниже), в котором Василий Николаевич Зверев значится ораниенбаумским второй гильдии купцом.

⁷ Об установлении нового сословия под названием Почетных Граждан // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. Т.VII. 1832. От № 5053-5876. СПб., 1833, № 5284. С.193-194.

Василий Николаевич Зверев скончался до того, как родился его внук, но его жену, свою бабушку, мой отец помнил. Ее звали Анисьей Ефимовной, ее девичья фамилия – Москвина (см. илл. 8а и 8б). Согласно записям моего отца, она тоже происходила из крестьян Кашинского уезда (название ее родной деревни мой отец, к сожалению, запомнил).

В записях отца отмечено, что у Анисьи Ефимовны был родной брат Иван Ефимович, а у того, в свою очередь, был сын Николай. Николай Иванович Москвин в годы Первой мировой войны в составе специального Русского корпуса оказался во Франции, участвовал в волнениях среди солдат, недовольных условиями службы, попал на каторгу в Африку, откуда вернулся на Родину в 1920-х гг. и жил вместе со своим отцом в поселке Литвино, около Витино.

У Василия Николаевича и Анисьи Ефимовны Зверевых родилось пять дочерей и один сын: Наталья, Анастасия, Анна, Елена, Александра и Иван (см. илл. 9 и 10).

Старшая, Наталья Васильевна Зверева, вышла замуж за Иосифа (Осипа) Ивановича Скворцова, сельского учителя (учительствовал в деревне Бронная, умер молодым в 1898 г.). Как говорил мой отец, она умерла во время блокады Ленинграда. У них было несколько детей, в том числе три сына – Николай, Василий и Павел – двоюродные братья моего отца.

Василия и Павла я никогда не видел. По сведениям, сообщенным мне их родной племянницей Татьяной Николаевной, Василий Иосифович Скворцов окончил Санкт-Петербургский университет, преподавал математику в Каменце-Подольском, потом жил в Рубежном, под Харьковом, во время Великой Отечественной войны оказался на оккупированной территории, после войны был репрессирован и умер в воркутинских лагерях. Павел Иосифович Скворцов был военным. Был рослым и служил в лейб-гвардии Павловском полку (?) в роте Его Величества. Окончил военное училище. Жил и умер во Львове, где работал бухгалтером. Был дважды женат. От первой жены имел сына Аполлона; по сообщению его племянницы Татьяны Николаевны Козловой, он погиб во время Великой Отечественной войны.

Николая же Иосифовича (Осиповича) Скворцова (1884-1951) и его семью я хорошо помню. Он окончил естественный факультет Санкт-Петербургского университета, работал химиком в различных лабораториях, связанных с пищевой промышленностью. Был женат на Екатерине Михайловне (урожденной Белоусовой), происходившей, по некоторым данным, из зажиточной дворянской или купеческой семьи (сибирских золотопромышленников?). Она скончалась в Москве в 1974 г. Между прочим, ее старшая сестра Вера Михайловна состояла в замужестве за Антонием Петровичем Фoniaковым, их внук, известный поэт Илья Олегович Фoniaков – мой добрый знакомый (я хорошо знал и двоюродного брата матери последнего – Всеволода Сергеевича Колоколова, известного китаиста).

Дочь Н.И. и Е.М. Скворцовых Татьяна Николаевна, моя троюродная сестра, родилась в октябре 1916 г. в Петрограде. В 1950 г. она окончила исторический факультет Ленинградского университета (между прочим, ее однокашником был Лев Николаевич Гумилев). Еще будучи студенткой, она вышла замуж за известного историка профессора Матвея Александровича Гуковского. В 1950 г., в период «кампании против космополитизма», М.А. Гуковский был репрессирован (ранее был арестован и брат его, видный литературовед профессор Григорий Александрович Гуковский, умерший в тюрьме в 1949 г.) и оказался в лагерях, в сибирскую ссылку была отправлена и его жена. Брак их распался, и Татьяна Николаевна вышла замуж за отбывавшего там же ссылку Петра Тихоновича Козлова. После реабилитации супруги обосновались в Москве, и Татьяна Николаевна Козлова поступила на работу в издательство «Искусство», где долгие годы работала редактором. Бывая в Москве, я иногда их навещал.

Память о Скворцовых мне особенно дорога, потому что, как будет рассказано ниже, благодаря моей кузине я смог похоронить мою мать в могиле ее родителей на Серафимовском кладбище.

Следующая по старшинству дочь В.Н. и А.Е. Зверевых Анастасия Васильевна, как я уже упоминал, заведовала библиотекой Адмиралтейского завода, где работала машинисткой и Полина Васильевна Сахарова, сестра Федора Васильевича Сахарова – мужа ее младшей сестры Александры (см. илл. 11). Она, как было указано выше, была крестной матерью моего

отца, и он ее почитал и любил и часто навещал. Она осталась незамужней, скончалась в 1944 г. и была погребена на Серафимовском кладбище. Я смутно помню ее дряхлой старушкой. Не исключено, что именно профессия Анастасии Васильевны Зверевой натолкнула отца на мысль связать свою жизнь с библиотечным делом.

Кто из прочих детей в семье Зверевых был следующим по старшинству, отец мой не помнил, и я перечислю их в произвольном порядке.

Об Анне Васильевне Зверевой известно лишь то, что она серьезно интересовалась теософией и состояла в замужестве за Александром Дмитриевичем Михайловым, дворянином, по одним данным – чиновником Министерства путей сообщения, по другим – страховым агентом общества «Россия», по третьим – банковским служащим. Детей у них не было.

Лучше других я помню «тетю Лёлю» (см. илл. 12а и 12б) – так называл эту свою тетушку мой отец, часто ее навещавший вместе со мною, так привык называть ее и я. Елена Васильевна Зверева, родившаяся в 1885 г.⁸ – единственная из детей В.Н. и А.Е.Зверевых, получившая высшее образование. В 1913 г. она окончила в Санкт-Петербурге Женский медицинский институт (специальность – внутренние и заразные болезни) и первые годы своей врачебной деятельности проработала в одной из крупнейших больниц города – больнице имени С.П.Боткина. С 1923 г. она избрала своей специальностью фтизиатрию и начала работать в 6-м туберкулезном диспансере Ленинграда, а с 1930 г. связала свою трудовую жизнь с 17-м противотуберкулезным диспансером. В 1938-1939 гг. была командирована на Дальний Восток, на озеро Хасан, для организации противотуберкулезной работы. В годы Великой Отечественной войны оставалась в Ленинграде, в должности главного врача диспансера⁹. На этом поприще она заслужила добрую славу и была награждена орденом Ленина.

Единственным сыном в семье Зверевых был Иван. Недавно в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга было обнаружено личное дело студента Санкт-Петербургского Коммерческого училища Ивана Васильевича Зверева, благодаря чему, в частности, нам стала известна точная дата его рождения – 2 сентября 1871 г.¹⁰. Аттестат, датированный 11 мая 1889 г. (копия которого отложилась в указанном деле), гласит, что он выпущен из Училища со званием личного почетного гражданина и что по отбывании воинской повинности он пользуется правами лиц, окончивших курс наук в учебных заведениях 2-го разряда. Иван Васильевич Зверев, как упомянуто выше, был крестным моего отца. Напомню, что в выписи из метрической книги о рождении и крещении Василия Федоровича Сахарова, его крестный отец назван потомственным почетным гражданином. Это свидетельствует о том, что по выпуске из училища Иван Васильевич Зверев, по-видимому, записался в купечество и стал успешным предпринимателем (по воспоминаниям моего отца, он был лесопромышленником) и из личных почетных граждан перешел в сословие потомственных почетных граждан. По данным адресной книги Петрограда на 1917 г., И.В.Зверев жил с женой по адресу: Измайловский полк, 12-я рота, дом 19; он числится в списке как землевладелец¹¹. Был женат на Евгении Павловне (по записям моего отца – дочери царского истопника?), которая была, как говорил мой отец, немецкого происхождения; в том же справочнике она значится модисткой, ее ателье – по адресу: Лермонтовский пр., 50. После революции супруги продолжали жить в Ленинграде в том же доме (12-я Красноармейская, дом 19, кв.3) и оба скончались в феврале 1942 г., во время

⁸ Список медицинских врачей С.С.С.Р. (На 1 января 1924 года). М., 1925. С.69.

⁹ Текст приветствия, врученного ей в феврале 1955 г. ее сослуживцами по случаю 25-летия ее непрерывной работы в 17-м противотуберкулезном диспансере // Архив И.В.Сахарова.

¹⁰ Это дело (ЦГИА СПб., фонд 239, опись 1, дело 4991), как я уже упоминал, обнаружила А.А.Краско. Среди документов, которые в нем находятся, особенно содержательным оказалось Свидетельство из Ораниенбаумской городской управы от 21 апреля 1881 г., выданное ораниенбаумскому 2-й гильдии купцу Василию Николаевичу Звереву в том, что к поступлению в училище сына его Ивана, родившегося 21 сентября 1871 г., препятствий не имеется. В деле имеется также собственноручно подписанное прошение В.Н.Зверева на имя директора Училища о допущении сына к конкурсному экзамену, где, между прочим, указан адрес жительства: Ораниенбаум, у Санкт-Петербургских ворот в собственном доме.

¹¹ Весь Петроград на 1917 г.

блокады города, от голода и лишений, место захоронения их неизвестно¹².

У их дочери Александры Ивановны Зверевой был внебрачный сын Михаил, родившийся в 1922 г. (отцом его был ее двоюродный или троюродный брат художник Николай Дормидонтов). Во время Великой Отечественной войны Михаил был тяжело ранен на фронте и скончался от ран в госпитале в Ташкенте, мать его умерла через несколько лет в Ленинграде.

Наконец, осталось сказать о дочери В.Н. и А.Е.Зверевых Александре – матери моего отца, моей бабушке.

Александра Васильевна Зверева родилась 6 мая 1876 г. (согласно записи отца, и в этом случае я опять-таки не знаю, какому календарю соответствует эта дата – юлианскому или григорианскому). Детство и юность провела в доме своих родителей в Ораниенбауме.

Приблизительно в 1900 г. или в начале 1901 г. вышла замуж за Федора Васильевича Сахарова. В декабре 1901 г. родился их первый ребенок, мой отец, а через год с небольшим на свет появился второй сын – Евгений, родившийся 23 февраля 1903 г. (см. илл.13).

Супруги, как уже говорилось, поселились в доме на углу Кадетской линии и Среднего проспекта. Летнее время проводили в Ораниенбауме.

Александра Васильевна Сахарова (см. илл.14а и 14б) скончалась в Ленинграде во время блокады города, 14 марта 1942 г., на руках у своего мужа, который пережил ее всего лишь на десять дней. Причины смерти понятны – голод, холод, сопутствовавшие им болезни (в свидетельстве о ее смерти – стандартный диагноз: «упадок сердечной деятельности»). Похоронена, как и муж, в братской могиле на Пискаревском кладбище¹³.

Как я уже говорил, в предвоенные годы мой отец, навещая своих родителей, несколько раз брал меня с собой, но ни дедушку, ни бабушку я не помню (об одном из таких визитов напоминает сохранившаяся в моем архиве фотография – см. илл.13).

* * *

Итак, в семействе Федора Васильевича и Александры Васильевны Сахаровых росло два сына – Василий и Евгений (см. илл.15). Оба они учились в одной из василеостровских гимназий, но революция помешала им ее окончить.

Сколько-нибудь обстоятельно и всесторонне излагать биографию отца не входит в задачу настоящей статьи. Я остановлюсь лишь на его семейном положении и, вкратце, на его отношениях с родственниками.

Будучи совсем молодым человеком (ему в то время едва исполнилось девятнадцать лет), он женился на Анастасии Петровне Бенедурской (см. илл.16 и 17). Отец ее служил во дворце в Царском Селе не то сторожем, не то дворником. В этом браке 10 ноября 1922 г. родился сын Юрий, мой кровный брат (см. илл.18).

В конце 1920-х гг. женился и Евгений Федорович Сахаров (см. илл.19). Имя ее остается мне неизвестным. В этом браке родился их единственный сын – Владимир (см. илл.20).

Что касается моего отца, то по прошествии несколько лет он и его жена стали чужими друг другу, а в конце 1920-х гг. семья окончательно распалась: он познакомился с Марией Ильиничной Гитович, моей будущей матерью, влюбился в нее и расстался с женой.

Моя мать, согласно паспортным данным, родилась 25 декабря 1899 г. в Смоленске, и, поскольку считалось, что это – дата по старому стилю, мы в семье всегда отмечали день ее рождения в пересчете на новый стиль, то есть 7 января. Однако паспортные сведения не соответствуют действительности: судя по копии метрического свидетельства о ее рождении и по дате, указанной в аттестате об окончании ею гимназии (оба указанных документа хранятся в моем архиве), она родилась 6 апреля 1894 г. в местечке Монастырщина

¹² Санкт-Петербург. Блокада 1941-1944. Ленинград. Книга памяти. Т.10. Е-3 (Ефимова-Зернов). СПб., 2001. С.637, 644. Здесь указано, что И.В.Зверев родился в 1872 г. (что неточно – как показано выше, он родился в 1871 г.), а Е.П.Зверева – в 1870 г.

¹³ см.: Копия свидетельства о смерти 14 марта 1942 г. Сахаровой Александры Васильевны за №13844, выданного Бюро АГС Василеостровского района 8 сентября 1942 г. // Архив И.В.Сахарова; см. также: Санкт-Петербург. Блокада 1941-1944. Ленинград. Книга памяти. Т.26. С.634.

Мстиславльского уезда Могилевской губернии, но с раннего детства жила в Смоленске, где обосновался ее отец, Илья Ефимович Гитович, купец и лесопромышленник. Мать закончила в 1911 г. Смоленскую Мариинскую женскую гимназию, а в 1912 г. – 8-й дополнительный класс со званием домашней учительницы. В 1916 г. она обучалась в Киеве зубо-врачебной специальности, получила диплом зубного врача, но эту профессию никогда не практиковала.

Революция 1917 г. застала ее в Смоленске. В 1918 г. она вступила на службу в РККА в военный госпиталь, а в 1921 г. поступила на работу библиотекарем в библиотеку Западного военного округа; с мая 1924 г. занимала должность помощника заведующего библиотекой Политуправления ЗВО. В 1925 г. приказом Политуправления Реввоенсовета Мария Ильинична Гитович, состоявшая тогда в кадрах РККА, была переведена в Ленинград в библиотеку Военно-политической академии, носившей тогда имя Толмачева (см. илл.21).

В это время в Ленинграде уже проводилась политика «уплотнения» частных, отдельных квартир и превращения их в коммунальные, но бывшие владельцы еще могли влиять на персональный состав «новопоселенцев» и нередко предпочитали поселить у себя не чужих людей, а родственников. М.И.Гитович поселилась у своих родственников Рутенбургов в одной из комнат их пятикомнатной квартиры в доме на углу улицы Большой Гребецкой (позднее переименованной в Пионерскую) и Геслеровского (ныне Чкаловского) проспекта.

Вскоре после этого и состоялось знакомство моего отца с моей матерью. Когда и как это произошло, я точно не знаю. Известно же мне следующее. Судя по письмам, которые отец писал в 1927-1928 гг. моей матери и которые сохранились в нашем семейном архиве, он полюбил ее всем своим сердцем. Я помню отца как человека внешне сухого, несентиментального, неласкового – тем удивительнее читать эти его письма, проникнутые горячим чувством и полные искренней нежности.

Мать ответила ему взаимностью (см. илл.22).

Однако проблема состояла в том, что отец был женат.

Это может показаться странным, но я никогда не расспрашивал ни отца, ни мать о конкретных обстоятельствах их знакомства, последующего сближения и складывания их семейной жизни. Но, по зрелому размышлению, можно составить себе следующую картину. У меня есть все основания считать, что брак отца с Анастасией Петровной Бенедурской был не только гражданским (то есть был зарегистрирован в органах ЗАГС), но и церковным (то есть они были обвенчаны). Когда встал вопрос о разводе (а моя мать не соглашалась соединить свою судьбу с человеком женатым), то расторгнуть гражданский брак отца не составляло труда, что вскоре и было сделано. Что же касается брака церковного, то он не подлежал расторжению. На этот счет я могу только гадать, но, очевидно, в его семье возник разлад. Родители отца (как это стало мне известно уже после его кончины, о чем речь пойдет ниже) были людьми глубоко верующими и вполне церковными. Нет сомнения, что и их сыновья были воспитаны в православном духе. С другой стороны, возможно, что уже в юности отец пережил некий духовный кризис, который поколебал его веру. Так или иначе, его родители не могли одобрить случившееся. Отец же мой решил эту проблему кардинально – он полностью отошел от церкви.

В наступившие советские времена то обстоятельство, что церковный брак не был расторгнут, уже не принималось во внимание, и после формального развода отец переехал к матери на Пионерскую улицу (тогда это был дом под номером 28, кв.17), где у них было две комнаты, они стали жить вместе. Вероятно, их совместная жизнь началась в сентябре 1929 г.: в свидетельстве об их браке, формально зарегистрированном в Костроме 5 августа 1944 г., указано, что они «в браке состоят с 1929 г., сентябрь месяц»¹⁴.

В мае 1932 г. на свет появился я, их единственный сын.

В 1929 г. брак моих родителей не был зарегистрирован в органах ЗАГС. Однако в те времена совместное проживание, создание семьи де факто, считалось достаточным для официального признания наличия семьи (положение изменилось лишь в 1944 г., о чем будет сказано ниже), в документах того времени оба они именовались мужем и женой, и в

¹⁴ Подлинное свидетельство о браке Василия Федоровича Сахарова и Марии Ильиничны Гитович, выданное Свердловским Районным Бюро ЗАГС Костромы 5 августа 1944 г. за №204 // Архив И.В.Сахарова.

метрическом свидетельстве о моем рождении указаны не только мать, но и отец. То же обстоятельство, что, тем не менее, брак моих родителей зарегистрирован не был, заставляет меня думать, что для отца факт нерасторжения его церковного брака сознательно или, скорее, подсознательно продолжал иметь некое значение.

После развода со своей первой женой отец продолжал навещать своих родителей. Они, надо полагать, так и не признали его второй брак, и, насколько я знаю, моя мать никогда к ним не приглашалась. Они продолжали поддерживать отношения со своей бывшей невесткой, тем более, что их старший внук, первый сын моего отца, Юрий, после развода остался жить со своей матерью (его последний адрес: 14-я линия Васильевского острова, дом 95-б, кв.99). Но меня, своего внука, они не отвергали, отец не раз брал меня к ним с собою. Иногда там оказывались одновременно все три внука моих бабушки и дедушки – и мой кровный брат Юрий, и мой двоюродный брат Владимир (сын моего дяди Жени – брата моего отца, Евгения Федоровича Сахарова), и я сам (см. илл.23).

Что же касается Анастасии Петровны Сахаровой-Бенедурской, то, насколько мне известно, она снова вышла замуж, от второго брака тоже имела сына, умерла в Ленинграде во время войны.

В 1938 г. Военно-политическая академия (сменившая имя Толмачева на имя Ленина) была переведена в Москву, но мать осталась в Ленинграде и поступила в библиотеку Военно-транспортной академии РККА имени Л.М.Кагановича, в которой была назначена заведующей отделом художественной литературы.

* * *

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. Мне в это время исполнилось девять лет, я окончил первый класс школы.

В первые же месяцы войны члены нашей семьи оказались разъединены.

Я был определен в интернат, организованный для детей сотрудников Военно-транспортной академии. Нас, детей разного возраста, было в нем около ста. Летом интернат был отправлен в Ярославскую область (мы жили Любимском районе в деревнях Павлигино и Закобякино), а зимой 1941-1942 г. переведен в Алтайский край, в Барнаул.

Сама же Академия в сентябре 1941 г. была передислоцирована в Кострому. В список лиц, подлежащих эвакуации, были включены не только моя мать, но и мой отец, на правах члена ее семьи (он и по состоянию здоровья, и как кандидат наук не подлежал мобилизации и был зачислен в штат академической библиотеки в качестве вольнонаемного). Однако случилось так, что сотрудники Академии были отправлены по железной дороге двумя эшелонами, мои родители попали в разные эшелоны, и первый из них, в котором ехал мой отец, успел добраться до Костромы, тогда как второй, в котором ехала моя мать, должен был вернуться в Ленинград с полпути, потому что немецкие войска перерезали железную дорогу в районе станции Мга. В результате мать осталась в Ленинграде, была устроена на временную работу в один из военных госпиталей, пережила самые страшные голодные месяцы блокады в осажденном городе. Ей помогло выжить то, что ее родная сестра Александра Ильинична Гитович в качестве военного врача находилась неподалеку, в прифронтовой полосе, и изредка могла навещать ее и делиться с нею продуктами своего рациона. Весной 1942 г. моя мать была вывезена из осажденного города на самолете, прибыла в Кострому и снова заняла должность заведующей отделом художественной литературы академической библиотеки, в которой отец занимал должность заместителя заведующего. После того, как родители смогли более или менее прилично устроить свои жилищные условия (они поселились в небольшой комнате в частном доме по улице Энгельса, дом 8), они забрали меня из интерната в Барнауле, и весной 1943 г. (я в это время учился в третьем классе) семья, наконец, снова воссоединилась в полном составе.

Как я уже говорил, в Костроме 5 августа 1944 г. мои родители официально зарегистрировали свой брак.

Война принесла отцовской семье много горя.

Первый страшный удар был нанесен осенью 1941 г. – в сентябре в боях под

Ленинградом погиб (пропал без вести) в рядах Народного ополчения старший сын моего отца, мой кровный брат Юрий Васильевич Сахаров, красноармеец 1-го батальона 1-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии, пулеметчик, проживавший до мобилизации по адресу: Ленинград, Васильевский остров, 14 линия, дом 95-б, кв.99¹⁵ (см. илл.24).

Затем, как уже говорилось выше, свое черное дело совершили голод и сопутствовавшие ему болезни.

В феврале 1942 г. умерли крестный отец моего отца Иван Васильевич Зверев и его жена Евгения Павловна.

14 марта 1942 г. скончалась мать отца Александра Васильевна Сахарова, а через десять дней, 24 марта, умер его отец Федор Васильевич Сахаров – мои бабушка и дедушка.

Во время блокады умерла и тетя отца, старшая сестра его матери Наталья Васильевна Скворцова, на фронте погиб ее внук Аполлон Павлович Скворцов.

Наконец, бытовые лишения подорвали здоровье родного племянника моего отца и моего двоюродного брата Владимира, единственного сына его брата Евгения Федоровича Сахарова. Примерно в 1944 г. Владимир Сахаров, который был на год-два старше меня, появился у нас в Костроме. Кем и почему он был отправлен к нам, я не помню; по-видимому, это было связано с тем, что скончалась его мать, а дядя Женя не мог в это время позаботиться о нем (не был ли он в это время в армии?). Через некоторое время у Владимира обнаружилась открытая форма запущенного туберкулеза, и вскоре он скончался в одной из костромских больниц.

Война еще не кончилась, когда отца по распоряжению из ЦК КПСС, в аппарате которого в это время служил его друг Б.В.Усов, отозвали из Костромы в Ленинград, где возрождалась деятельность Государственного библиотечного института имени Н.К.Крупской, куда он и поступил на работу. Вскоре в Ленинград вернулась в полном составе и Военно-транспортная академия, и летом 1944 г. мы снова оказались вместе на Пионерской улице в доме 28 (позже он сменил номер на 22), чтобы уже более не расставаться.

* * *

Итак, в военные годы круг родни отца поредел. Нельзя сказать, чтобы отец мой был натурой родственной, но в той мере, в какой чувство родственной близости было все же ему присуще, он был этому чувству верным. Если не считать нашу семью, родственные чувства отца сконцентрировались на его брате Евгении Федоровиче Сахарове и, особенно, на двух его родных тетушках – Анастасии Васильевне (она, напомним, была его крестной матерью) и Елене Васильевне Зверевых (тетю Насте и тетю Лёле), живших вместе в одной комнате в запущенной небольшой коммунальной квартире в доме № 46 по 9-й линии Васильевского острова. Их отец навещал регулярно по воскресеньям и иногда брал меня с собой. Я хорошо помню эти визиты. В любую погоду он шел пешком с Пионерской улицы через Тучков мост на 9-ю линию. Мне нравились эти прогулки, я ценил эту возможность спокойного и неспешного общения с отцом. Я с теплым чувством вспоминаю и тетю Лёлю (тетю Настю я практически не помню, она скончалась в 1944 г.). Скромное жилище Елены Васильевны Зверевой превратилась в своего рода штаб уцелевшей после войны родни. В той же квартире в соседней комнате проживало семейство Скворцовых – упомянутые выше двоюродный брат отца (он был намного его старше) Николай Осипович с женой Екатериной Михайловной и ее сестрою Юлией Михайловной Белоусовой. Изредка появлялась дочь Н.О. и Е.М.Скворцовых Татьяна со своим мужем Матвеем Александровичем Гуковским. Туда же иногда навещался и брат отца Евгений Федорович Сахаров со своей второй женой Верой Иосифовной (иногда и с ее сыном от первого брака Алексеем Ивановичем). В воскресные дни все обычно собирались у тети Лёли за столом за скромной трапезой. Иногда Николай Осипович устраивал чтения вслух, помнится, он читал какие-то рассказы Чехова. Но

¹⁵ Донесение о безвозвратных потерях № 17818, датированное 28 июля 1942 г. Источник донесения – 44-я стрелковая дивизия. Именной список потерь личного состава // <http://www.obd-memorial.ru/Memorial/Memorial.html>.

постепенно этот родственный круг продолжал редеть. Анастасия Васильевна Зверева, как я сказал, умерла в 1944 г. В 1951 г. скончался Николай Осипович Скворцов. Его дочь Татьяна Николаевна Гуковская была отправлена вслед за репрессированным мужем в ссылку в Красноярский край, а после реабилитации в Ленинград уже не вернулась, обосновалась со вторым мужем в Москве, куда перебралась и ее мать Екатерина Михайловна. Тетя Лёля осталась в квартире одна. Но мой отец продолжал верно следовать раз навсегда заведенному порядку и по-прежнему по воскресеньям отправлялся на Васильевский остров, пока Елена Васильевна Зверева не слегла в туберкулезную больницу около Поклонной горы, где и скончалась. Наконец, 8 ноября 1978 г. умер и Евгений Федорович Сахаров.

Другой родственный круг, в который он, может быть, и не входил полностью, но к которому был причастен, состоял из родни моей матери. В первую очередь это были ее родная сестра Александра Ильинична Гитович, моя тетя Саша, врач-акушер, и ее муж Григорий Михайлович Рутенбург, мой дядя Гриша, врач-дерматолог (в 1920-е гг. именно в его квартире поселилась моя мать). Они жили по соседству с нами, и все мы тесно общались (см. илл.25). Г.М.Рутенбург умер в начале 1950-х гг., а А.И.Гитович прожила долгую жизнь: она скончалась в сентябре 1998 г., когда ей шел 101-й год. Самые сердечные чувства связывали нас и с кузиной моей матери Раисой Осиповной Шапиро (рожденной Паперновой) и ее сыном Владимиром Захаровичем Шапиро. В круг общения отца иногда попадали и младший брат моей матери, известный в свое время литератор Александр Ильич Гитович, переводчик древнекитайских поэтов (в отличие от своих сестер-долгожительниц, он умер сравнительно молодым в 1966 г.), и еще одна из ее сестер, жившая в Москве, но иногда нас навещавшая, Нина Ильинична Гитович, автор капитальной «Летописи жизни и творчества А.П.Чехова», издатель его писем, к которой отец питал особую симпатию.

Мать, состоя в должности заведующей отделом художественной литературы библиотеки Военной академии тыла и транспорта (так стала называться бывшая Военно-транспортная академия), ушла на пенсию в октябре 1956 г., потом в течение нескольких лет возвращалась туда на кратковременную работу, а в 1960 г. окончательно рассталась с библиотекой.

Осенью 1957 г. в нашу семью вошла моя жена Наталия Юрьевна Татарина, дочь Юрия Федоровича Татарина и Наталии Николаевны, урожденной княжны Тенишевой. Как и я, она в это время была в аспирантуре Ленинградского педагогического института имени А.И.Герцена (я был аспирантом кафедры экономической географии, она – аспиранткой кафедры французского языка).

В 1961 г. отец получил трехкомнатную отдельную (наконец-то, впервые в жизни, отдельную) квартиру в новом здании на проспекте Смирнова, построенном для Института культуры, где мы вчетвером прожили пятнадцать лет, пока мы с женой в 1976 г. не переехали в квартиру ее скончавшихся родителей, которая, впрочем, находилась по соседству, на Школьной улице. В конце 1983 г. то крыло дома на проспекте Смирнова, где располагались квартиры преподавателей института, пошло на капитальный ремонт, и мои родители получили двухкомнатную квартиру в новом доме на Богатырском проспекте. Вскоре, в январе 1984 г., и мы с женой получили такую же квартиру в том же доме № 10 и по той же лестнице, что, разумеется, помогало сохранять нам тесное общение друг с другом.

В этом доме отец провел свои последние годы, месяцы, дни...

Вечером 2 июня 1986 г., в его последний час, когда стало ясно, что он угасает, мы с женой спросили его, не будет ли он против, если мы прочитаем у его изголовья «Отче наш». Он был совсем слаб, не мог говорить, но сознание не покидало его, и он слабым кивком дал понять, что он согласен. Около 21 часа, в последние минуты жизни, он взял меня за руку, он, который никогда не был со мною ласков, неожиданно крепко сжал в своей руке пальцы моей руки – и я даже не заметил, как он испустил последний вздох. Я уверен, что вера в Бога, если он в свое время и утерял ее, вернулась к нему, и наши молитвы об упокоении его души, вознесенные к Всевышнему во время отпевания его тела в Князь-Владимирском соборе, были услышаны.

Сперва мы думали похоронить его на Серафимовском кладбище, в могиле его крестной матери Анастасии Васильевны Зверевой. Но мы не знали точное местоположение

ее могилы, а в Городском кладбищенском архиве записи о погребении на этом кладбище за последние месяцы 1944 г. оказались утрачены. На том же кладбище находилась знакомая мне могила двоюродного брата отца Николая Осиповича Скворцова, но документированным доказательством родства между ними мы не располагали. Тогда я созвонился со своей московской кузиной, чтобы она прислала бумагу, подтверждающую факт захоронения на Серафимовском же кладбище ее родителей, но она у нее затерялась, и она не смогла его тогда найти. Пришлось похоронить отца на Северном кладбище в Парголово, и 7 июня он был погребен неподалеку от могилы отца моей жены, Юрия Федоровича Татарина.

Моя мать почти на десять лет пережила отца и скончалась у меня на руках 1 января 1989 г. на 95-м году жизни. Мечтая похоронить ее на Серафимовском кладбище, которое расположено рядом с домом на Дибуновской улице, в который мы вместе с нею переехали в августе 1986 г., я снова позвонил в Москву своей кузине Татьяне Николаевне Козловой. К счастью, к этому времени она отыскала свидетельство о захоронении ее родителей, по родственному отнеслась к моей просьбе, срочно переправила этот документ мне, и было получено разрешение похоронить мою мать в могиле Скворцовых. Так родственные связи отца помогли похоронить мою мать в могиле его двоюродного брата.

* * *

Post-scriptum.

В завершение этой статьи, посвященной памяти моего отца, его родственного окружения, его – и моих! – предков, я хотел бы рассказать одну историю, которая не перестает меня удивлять и волновать.

Как я уже говорил, отец в свое время потерял веру в Бога, в которой был воспитан родителями, и полностью отошел от церкви. Это выразилось, в частности, в том, что он в разговорах со мной никогда не касался вопросов, связанных с церковью и религией. В свою очередь и, если угодно, в ответ на это и я не делился с ним содержанием моей духовной жизни, и он так никогда и не узнал (о чем я теперь очень жалею), что его сын, в значительной степени под влиянием жены, пришел к вере, к церкви, принял Святое Крещение, венчался в церкви. Впрочем, быть может, он об этом и догадывался, но наши идеологические расхождения с ним были настолько основательны, что мы оба не умели находить – и даже пытаться искать – общий язык. Даже когда для него перестал быть секретом тот факт, что я пристрастился к церковному пению и стал певчим в церковном хоре, мы этот факт с ним никогда не обсуждали.

В частности, отец никогда не говорил мне о своем отце как о человеке верующем. Прошло много лет, и уже вскоре после того, как отец мой скончался, жившая тогда в Москве моя троюродная сестра Татьяна Николаевна Козлова (урожденная Скворцова), которая была намного меня старше, однажды сообщила мне, что мой дед Федор Васильевич Сахаров не только был глубоко верующим, но и даже в трудные для церкви 1930-е гг. исполнял обязанности старосты в приходе храма Св.Екатерины, что на Васильевском острове, близ Тучкова моста, рядом с домом, где он жил. А затем, к моему изумлению, я случайно узнал от одной из своих давних знакомых, проживавшей в 1930-х гг. в том же квартале, где жил и мой дед, о том, что тот ... постоянно пел в церковном хоре! Поистине, генеалогия "перекликается" с генетикой, даже через поколения! Или, если угодно, я получил привет с того света от собственного деда!

Список иллюстраций к статье И.В.Сахарова

Илл.1. Выписка из церковной метрической книге о рождении и крещении Василия Федоровича Сахарова.

Илл.2. Взятие финляндцами турецких орудий в сражении под Филиппополем 5 января 1878 г.

Илл.3. Хор музыки лейб-гвардии Финляндского полка в 1895 г. (фрагмент фотографии).

Илл.4. Полина (Пелагея) Васильевна Сахарова.

Илл.5а. и илл.5б. – Федор Васильевич Сахаров.

Илл.6. Вход в усадьбу семьи Зверевых в Ораниенбауме.

Илл.7. Главный усадебный дом Зверевых в Ораниенбауме.

Илл.8. Анисья Ефимовна Зверева (урожденная Москвина).

Илл.9. Дети Василия Николаевича и Анисьи Ефимовны Зверевых. Первый слева – Иван Зверев, рядом с ним – Александра Зверева (?).

Илл.10. Семья Зверевых и Сахаровых. В первом ряду сидят слева направо: Александра Ивановна Зверева, Анастасия Васильевна Зверева, Анисья Ефимовна Зверева (урожденная Москвина). Крайняя справа – Елена Васильевна Зверева. Во втором ряду стоят слева направо: Иван Васильевич Зверев, Федор Васильевич Сахаров, Александра Васильевна Сахарова (урожденная Зверева)... Позади всех стоит Николай Осипович Скворцов. Впереди на земле сидят Евгений (слева) и Василий Сахаровы.

Илл.11. Анастасия Васильевна Зверева и Полина (Пелагея) Васильевна Сахарова в библиотеке Адмиралтейского завода.

Илл.12а и 12 б. – Елена Васильевна Зверева (тетя Лёля).

Илл.13. Александра Васильевна Сахарова (урожденная Зверева) с сыновьями Евгением (на руках) и Василием.

Илл.14а и 14б – Александра Васильевна Сахарова (урожденная Зверева).

Илл.15. Евгений (слева) и Василий Федорович Сахаровы.

Илл.16. Василий Федорович Сахаров (середина 1920-х гг.)

Илл.17. Анастасия Петровна Сахарова (урожденная Бенедурская).

Илл.18. Стоит Елена Васильевна Зверева. Рядом с нею сидит Анастасия Васильевна Зверева. В центре сидит Анастасия Петровна Сахарова (урожденная Бенедарская). Перед нею – ее сын Юрий Сахаров.

Илл.19. Евгений Федорович Сахаров (середина 1920-х гг.).

Илл.20. Евгений Федорович Сахаров с сыном Владимиром.

Илл.21. Мария Ильинична Гитович (середина 1920-х гг.).

Илл.22. Мария Ильинична Гитович и Василий Федорович Сахаров (1928 г.).

Илл.23. Александра Васильевна Сахарова (урожденная Зверева) со своими внуками (слева направо) Владимиром, Юрием и Игорем.

Илл.24. Юрий Васильевич Сахаров (лето 1941 г.).

Илл.25. Слева направо: Василий Федорович Сахаров, Александра Ильинична Гитович, Григорий Михайлович Рутенбург, Игорь Васильевич Сахаров, Мария Ильинична Гитович (фотография снята приблизительно в 1950 г.).

ВѢСТНИКЪ РОДИВШИХСЯ.		Мѣсяцъ и день.	Имена родившихся.	Званіе, имя, Отчество и фамилія родителей, и какого вѣрснопреддѣла.	Званіе, имя, Отчество и фамилія восприимчивыхъ.	Кто совершилъ таинство крещенія.	Рубль дѣт.
Мѣсяца года.	Дня года.						
44	"	8. 30.	Василий	Многоцарский Посадскій Ковальско Владычъ Васильевичъ въ Саратовѣ не имѣюща сына въ знакъ Крестнаго знаменія въ православнѣмъ вѣроисповѣданіи	Почетный гражданинъ Иванъ Филипповичъ въ Саратовѣ не имѣюща сына въ знакъ Крестнаго знаменія въ православнѣмъ вѣроисповѣданіи	Священникъ Александръ Ивановичъ	
<p>Во подлинномъ строю: Соуправителю мѣстнаго Священства въ Саратовѣ Александръ Ивановичъ</p> <p>Посадовикъ Владимиръ Григорьевъ.</p>							

Илл.1

Взятіе Л.-Гв. Финляндскимъ полкомъ 20-ти турецкихъ орудій въ сраженіи подъ Филиппополемъ 5 января 1878 года.

Илл.2

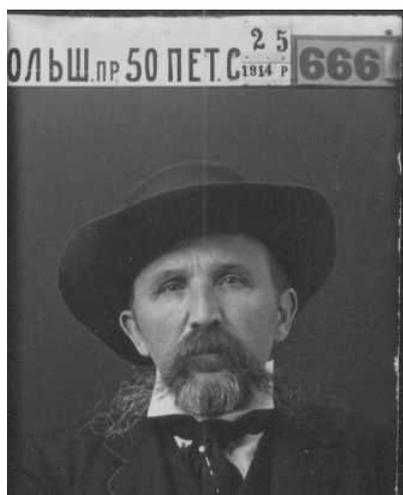

Хоръ музыки Л.-Гв. Финляндскаго полка въ 1895

Илл.3.

Илл.4

Илл.5а

Илл.5б

Илл.6

Илл.7

Илл.8

Илл.8

Илл.9

Илл.10

Илл.11

Илл.12а

Илл.12б

Илл.13

Илл.14а

Илл.14б

Илл.15

Илл.16

Илл.17

Илл.18

Илл.19

Илл.20

Илл.21

Илл.22

Илл.23

Илл24

Илл.25